

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ ¹⁾.

Медленно проходит ужасная ночь. Не засыпаетъ сознание, а мысли о европейской войнѣ превращаются въ фантастическіе образы, въ страшныя сонныя видѣнія.

Сѣрый разсвѣтъ глядитъ въ окно моей каморки. Дождь льетъ, какъ вчера. И такъ же раздается то барабанный бой, то военная музыка—маршируютъ по улицамъ Цюриха, въ полной боевой готовности, мирные швейцарскіе полки.

Сбѣжавъ внизъ, берусь за газеты. Переданный вчера слухъ о томъ, что и Италія присоединилась къ войнѣ, не подтверждается, слава Богу. Но какой ужасъ это подробно описываемое историческое засѣданіе германскаго рейхстага, рѣчь канцлера:—„Noth kennt kein Gebot“,—и воинственные восторги всѣхъ партій въ отвѣтъ. Съ трепетомъ жду, какъ поведутъ себя нѣмецкіе социаль-демократы, послѣдній оплотъ мира и международной справедливости въ Германіи. И они хотятъ войны... Впервые я вижу передъ собой Германію не какъ знакомую страну съ уютными старыми городами и поэтическими легендами, съ безчисленными родниками глубокой духовной жизни, а какъ страшную, цѣльную, жестокою силу, въ какомъ-то апокалиптическомъ образѣ. Темныя силы взяли верхъ въ ней самой, и она не хочетъ больше знать ни божескихъ, ни человѣческихъ законовъ—все хочетъ попруть, раздавить. И впервые все мое существо загорается жаждою отпора, впервые я чувствую, что и я, со всѣмъ моимъ отвращеніемъ къ войнѣ, принимаю зловѣщій воинственный вызовъ и безсильная, одинокая вдали отъ Россіи—уже участвую въ этой борьбѣ силъ и народовъ. Скорѣе, скорѣе домой...

Но я связана по рукамъ и по ногамъ: не на что ѣхать, и друзья мои попрежнему сидятъ въ Роршахѣ: Швейцарія все еще

¹⁾ Окончаніе. См. *Русская Мысль*, кн. X, 1914 г.

не выпускает ихъ,—это такъ дико. Мнѣ удастся снестись съ ними по телефону. Слышу изъ трубки знакомые голоса Качалова, Станиславскаго. Да! сидятъ еще подъ домашнимъ арестомъ, въ гостиницѣ, вмѣстѣ съ другими русскими.хлопотать въ Бернъ—мнѣ не стоитъ, туда уже посланы телеграммы, тамъ хлопочуть; можетъ быть, и впусять. Но въ Россію такъ скоро не собратъся—денегъ не хватитъ, и Качалову нужно еще сѣхаться съ семьей—изъ Италіи получена, наконецъ, телеграмма... А у меня только одна мысль: что тамъ теперь—дома, въ Россіи?... Нѣтъ отвѣтной телеграммы отъ нашихъ...

Впрочемъ, всѣ здѣшніе русскіе теперь въ такомъ же положеніи—безъ денегъ, безъ вѣстей. Отъ одной семьи, проживающей въ моей гостиницѣ, узнаю, что русская цюрихская колонія прослышала, будто русская миссія въ Бернѣ собирается предпринять что-то, зафрахтовать пароходъ для доставки русскихъ на родину—англичане, американцы уже сдѣлали это. Цюрихская колонія послала въ Бернъ учительницу-делегатку. Но, говорятъ, русская миссія дѣйствуетъ вяло. Сколько времени еще пройдетъ, пока она что-нибудь устроитъ.

Я брожу по берегу озера, по которому разбѣгаются круги отъ дождя, по улицамъ среди тревожной, торопливой толпы. Опять солдаты, пушки. Сѣрое небо давить. Хоть бы разступились облака, выглянули лучъ солнца... Суевѣрно слѣжу, жду, часы проходятъ,—и вдругъ, вижу въ вышинѣ, надъ трубами, клочокъ яснаго голубого неба. Словно обѣтованіе какое-то. И на сердцѣ сразу становится легче.

Я возвращаюсь въ свою каморку, засыпаю на нѣсколько минутъ, потомъ, вскочивъ, бѣгу, сама не зная зачѣмъ, на почту и не вѣрю своимъ глазамъ: передо мной милыя лица: мой двоюродный братъ и другъ, приватъ-доцентъ московскаго университета И. А. Ильинъ съ женою. Они выбрались заблаговременно изъ-подъ Вѣны, гдѣ Ильинъ работалъ надъ своей диссертациею о Гегелѣ, ѣдутъ завтра въ Италію, оттуда въ Россію и зовутъ меня съ собою. Сейчасъ же, изъ почтамта, сносимся по телефону съ Роршахомъ, сообщаемъ о нашей встрѣчѣ. Ѣхать въ Италію не дождавшись освобожденія друзей, я не могу. Но сразу такъ полегчало на душѣ, такъ близки мы, внезапно встрѣтившіеся въ настроеніяхъ, въ основныхъ мысляхъ. И умъ начинаетъ энергичнѣе работать, устанавливается постепенно какая-то связь между ошеломляющими впечатлѣніями послѣднихъ дней и внушающимъ опытомъ, идеями, представленіями всей предшествующей жизни; улавливается общій историческій смыслъ разыграв

пихся, немовѣрныхъ въ своей огромности событій, открываются перспективы въ будущее. Душа постепенно выпрямляется, свѣтлѣетъ, и вдругъ, словно лучъ солнца пронзаетъ и обжигаетъ ее до послѣднихъ глубинъ: ничто не страшно, потому что не страшна самая смерть, потому что жизнь не исчерпывается видимымъ міромъ, потому что міровой процессъ, трагически-величественный и вѣщій со всѣми его ужасами, несетъ насъ въ дали, заренныя божественнымъ свѣтомъ. Все нужно принять, испытать, перестрадать.

Мы не разговариваемъ прямо на эти темы, но отъ ощущенія духовной близости, отъ вспыхивающихъ въ разговорѣ искръ непосредственнаго взаимнаго пониманія растетъ въ душѣ бодрость и подъемъ. Вечеръ мы проводимъ вмѣстѣ, въ пансіонѣ, гдѣ оставились Ильины, на горѣ. Такъ тихъ и мягокъ вечеръ, когда мы вмѣстѣ поднимаемся туда; такъ ярко свѣтитъ луна; рѣка шумитъ, низвергаясь водопадомъ у моста, — далеко слышенъ этотъ шумъ, — и трепетно сверкаютъ внизу, у подножія горы, безчисленные огни города. Въ пансіонѣ Ильины знакомятъ меня съ двумя ускими дамами, которыя сейчасъ же вызываются переслать мнѣ въ Италію телеграммы и письма, которыя могли бы прійти безъ меня въ Цюрихъ: и на этомъ краткомъ знакомствѣ лежитъ отпечатокъ той особенной сердечности, которая наблюдается здѣсь въ эти дни въ сношеніяхъ людей. Потомъ мы долго разговариваемъ, затрагивая вопросы искусства, философіи, какъ будто временно совсѣмъ отвлекшись отъ войны, но чувствуя, что отнынѣ же все имѣетъ какое-то тайное соотношеніе съ нею, все, тѣмъ ли иными ходами, соединяется съ мыслью о ней... Въ полночь Ильины провожаютъ меня домой, — мы еще долго, по-русски, стоимъ, разговаривая, передъ дверью гостиницы. Поднявшись, наконецъ, къ себѣ, я нѣсколько смутно вспоминаю, что въ теченіе вечера мы, какъ-то мимоходомъ, условились, что я ѣду утромъ въ Бернъ, а Ильины — вѣроятно, во Флоренцію въ ожиданіи моего пріѣзда, но въ Миланѣ они оставятъ мнѣ письма съ указаниемъ, гдѣ мнѣ найти ихъ. Чувствую, что не обстоятельно восприняла все это, думая больше о другомъ, и могу опять потерять ихъ изъ виду... Сержусь на себя, но, нагулявшись и поговорившись, начинаю уже засыпать, когда мнѣ стучатъ въ дверь и подаютъ телеграмму: слава Богу, Алексѣевы и Качаловъ свободны, ѣдутъ завтра въ Бернъ черезъ Цюрихъ.

На другой день спозаранку яду ихъ на вокзалѣ, чтобы сѣсть въ одинъ вагонъ съ ними. Толпа пересаживающихся въ Цюрихѣ

валить безъ конца; солдаты, сурово поддерживающіе порядокъ на вокзалѣ, не позволяютъ мнѣ стоять на видномъ мѣстѣ, и : уже начинаю отчего-то тревожиться, какъ вдругъ вижу: идутъ. Какая радость—это свиданіе съ ними! Садимся вмѣстѣ въ вагонъ. Они рассказываютъ о томъ, какъ сидѣли въ мрачномъ пакгаузѣ въ Линдау, гдѣ ими командовали два красивыхъ молодыхъ офицера, одинъ плотный блондинъ, другой—брюнетъ, оба щеголишки, съ иголки, обмундированные, оба рѣчистые и съ самою вольствомъ разыгрывающіе новую для нихъ роль. Невесело было когда русскимъ предложили написать открытки домой о томъ, что они остаются въ Линдау, какъ военнопленные, и потому когда присутствующихъ стали уводить въ отдѣльную комнату : обыскивать, раздѣвая даже женщинъ. А тѣ, которые просидѣли въ этомъ пакгаузѣ, не вѣдая своей судьбы, съ вечера, цѣлую ночь, минутами совсѣмъ падали духомъ; одинъ изъ нихъ рассказывалъ, что дошелъ даже до галлюцинацій: „кругомъ насъ—нѣмецкіе солдаты, а я вижу—львы“... Но самодовольные командующіе офицеры были очень характерны и забавны, особенно когда одинъ изъ нихъ, послѣ того какъ пришла вѣсть объ освобожденіи пленныхъ, заявилъ, что теперь отправлять написанныя имъ открытки уже не стоитъ и, аккуратно сложивъ ихъ, шикарно ловко надѣлъ всю пачку, вдоль и поперекъ, вынутымъ изъ кармана новенькимъ ножомъ. — „Жаль, что вы не были съ нами, вамъ бы очень интересно было“, говоритъ Лилина. Потомъ онъ рассказываютъ мнѣ, какъ помогъ всѣмъ русскимъ уже знакомымъ мнѣ Pfarrer, какъ онъ, хитрою выдумкою о какомъ-то заказанномъ на много персонъ и не съѣденномъ обѣдѣ, задержалъ на берегу всю стражу, благодаря чему пленники попали не на нѣмецкій пароходъ, отправляющійся въ Романсхорнъ, а на позднѣе отходящій швейцарскій пароходъ, съ котораго Швейцарія уже не могла не принять ихъ въ Роршахъ. Но все это, какъ и длительный домашній арестъ въ Роршахъ, такъ утомительно было для нервовъ. И такъ необычно все, не исключая подробностей. Не странно ли, напримѣръ: какой-то русскій доставилъ въ роршахскую гостиницу бумажку, въ которой сообщалось къ свѣдѣнію арестованныхъ, что въ Цюрихѣ находятся такіе-то русскіе въ томъ числѣ Ильинъ, артистка Художественнаго театра Раевская и др. Изъ этой таинственной, неизвѣстно кѣмъ заботливо доставленной записки мои друзья узнали и о моемъ пребываніи въ Цюрихѣ. Я сообщила, со словъ Ильиныхъ, что такая же записка съ перечисленіемъ русскихъ, пріѣхавшихъ изъ Германіи, была вывѣшена въ цюрихской русской читальнѣ. У людей, взволно-

ванныхъ разыгравшимися событіями, развилась трогательная заботливость другъ о другѣ, даже о незнакомыхъ.

И въ дальнѣйшемъ все время чувствуется кругомъ эта необычная теплота, эта готовность помочь чѣмъ можно, какъ со стороны русскихъ, такъ и со стороны иностранцевъ.

Въ Бернѣ знакомые уже приготовили москвичамъ комнаты въ недорогомъ пансіонѣ: денегъ у нихъ очень мало, крупныхъ бумажекъ не удалось во-время размѣнять, а теперь уже не мѣняютъ. Богъ знаетъ, когда имъ удастся попасть въ Россію. Люди разсудительные говорятъ, что пускаться въ путь, не имѣя по крайней мѣрѣ по тысячѣ франковъ на человѣка,—безуміе: можно застрять на дорогѣ—въ Италиі, въ Греціи, въ Турціи, вѣдь повсюду не сегодня-завтра можетъ разыгратъ война. Въ Бернѣ стеклись уже буквально тысячи русскихъ; всѣ безъ денегъ, а большинство и совсѣмъ неимущихъ, изъ учащейся въ Швейцаріи молодежи. Намъ разсказываютъ, что русская миссія ничего не можетъ для нихъ сдѣлать, но бернскій муниципалитетъ уже пришелъ имъ на помощь: даетъ имъ бесплатное убѣжище на ночь въ свободныхъ пока школьныхъ помѣщеніяхъ и какой-то обѣдъ за 10 сантимовъ. Среди съѣхавшихся русскихъ называютъ немало знакомыхъ именъ. Всѣ думаютъ объ отъѣздѣ въ Россію, но страшные слухи и газетныя извѣстія волнуютъ умы. Говорятъ, что если и можно найти мѣсто—на пароходѣ, отходящемъ изъ Венеціи или Бриндизи, то это небезопасно: въ Адриатическомъ морѣ уже идутъ, будто бы, морскіе бои; Дарданеллы, повидимому, закрыты... Отъ нашихъ пріятелей изъ Генуи получено извѣстіе, что они собираются въ путь черезъ Венецію въ ближайшіе дни; съ ними могли бы ѣхать жена и сынъ Качалова, но, въ виду тревожнаго положенія, Качаловъ не рѣшается отпустить ихъ безъ себя, хочетъ съѣздить за ними въ Миланъ, чтобы, дождавшись денегъ въ Швейцаріи, ѣхать потомъ вмѣстѣ съ Алексѣевыми. Нужно только заручиться въ швейцарскомъ министерствѣ пропускомъ на вѣздъ въ Швейцарію изъ Италиі,—а то опять не впусять...

Я рѣшаюсь остаться въ Бернѣ на пару дней, побыть съ друзьями, дождаться, пока Качаловъ выхлопочетъ пропускъ и ѣхать до Милана вмѣстѣ съ нимъ. Смѣшанныя, волнующія,—и очаровательныя, и тяжкія воспоминанія остались у меня отъ этихъ дней. Благодатная, благодарная теплота заливаешь душу, когда я вспоминаю о той чудесной заботливости, о той особенной, вызываемой общей бѣдою, родственной простотѣ отношеній, среди которой я жила эти дни. Только въ такіе моменты по настоящему

до глубины узнаешь людей и степень их душевнаго благородства. Но радость этихъ впечатлѣній смѣшивалась съ острой, все возрастающей тревогой о своихъ, о Россіи. Утреннія газеты и разноцвѣтные листочки дневныхъ и вечернихъ приложений къ нимъ приносили ужасныя извѣстія, въ которыхъ не было возможности отличить правду отъ лжи. Минутами чудилось, что и вправду нѣмецкія войска, залившія кровью Бельгію, не только быстро подвигаются къ Парижу, но уже хозяйничаютъ въ Польшѣ, не сегодня-завтра возьмутъ мятущуюся въ революціонныхъ судорогахъ Варшаву, а нѣмецкій флотъ уже обстрѣливаетъ Кронштадтъ. Потомъ сообщенія о разныхъ революціонныхъ покушеніяхъ. Потомъ извѣстіе, что въ Германіи разстрѣливаютъ всѣхъ русскихъ военныхъ и призывныхъ, не успѣвшихъ выбраться отсюда до войны. Помню, какъ я прочла это извѣстіе въ ярко-розовомъ листкѣ „вечернаго прибавленія“ къ германофильской газетѣ, и словно кто-то ударилъ меня по лицу, по головѣ: начавшаяся война вдругъ ощутилась, какъ нѣчто уже исполнѣ реальное и реалистически-ужасное, невыносимое въ своихъ частностяхъ... Все нужно принять, испытать, перестрадать, ибо таковы пути, которыми человѣчеству предназначено итти къ своему просвѣтлѣнію и обновленію, но на какой низкой ступени нравственнаго развитія стоятъ еще люди, похваляющіеся своею культурою, если они могутъ совершать этотъ мерзостный разстрѣлъ безоружныхъ. О, дай Богъ, чтобы у насъ въ Россіи не доходило до этого! Дай Богъ русскимъ людямъ на это страшное и великое время той силы духовной, которая позволяетъ быть благороднымъ съ врагомъ, независимымъ въ своемъ поведеніи отъ того, какъ поведетъ онъ себя, на что будетъ провоцировать. Если бы можно было надѣяться на это... Что это за извѣстіе промелькнуло въ газетѣ о разрушеніи германскаго посольства въ Петербургѣ?... Неужели правда? Скорѣе ѣхать туда, узнать правду...

Жду, пока Качаловъ получить пропускъ. Но въ министерствѣ, куда мы идемъ подъ покровительство уже побывавшихъ тамъ знакомыхъ, соглашаются, въ видѣ особой милости, выдать пропускъ на вѣздъ въ Швейцарію только женѣ и сыну Качалова, а его самого уже не впускаютъ больше, разъ что онъ выѣдетъ за границу... Что за путаница, что за растерянность: вѣдь послѣ мы узнали, что многихъ иностранцевъ впускали въ эти дни и со стороны Германіи, и со стороны Франціи, съ которой вновь налажилось желѣзнодорожное сообщеніе. А тутъ—отказали въ обратномъ пропускѣ, несмотря на всяческіе доводы! Мы идемъ еще зачѣмъ-то въ русскую миссію; тамъ на улицѣ передъ за-

пертой дверью торопливо ждетъ цѣлая вереница людей: дверь пріоткроеся, впустить нѣсколько человѣкъ и опять захлопнется. А самъ посланникъ, говорятъ, просто прячется отъ людей. Пока Качаловъ съ одной изъ нашихъ спутницъ ждетъ своей очереди, чтобы пробраться въ секретаріатъ миссіи, я иду, чтобы исполнить порученіе встрѣтившейся мнѣ въ Цюрихѣ молодой учительницы, въ мѣсто сбора съѣзжающихся въ Бернъ русскихъ. Небольшой садикъ какого-то закрывшагося кафѣ полонъ народа. Многие только что пріѣхали, сидятъ вокругъ столиковъ, смотрятъ растерянными глазами и ничего не могутъ отвѣтить на мои вопросы. Другіе направляютъ меня въ помѣщеніе бывшаго кинематографа, гдѣ собираются представители недавно образовавшагося „самоуправленія“ разросшейся русской колоніи. Въ полутемномъ залѣ—толкотня. На эстрадѣ, за длиннымъ столомъ сидятъ делегаты. Здѣсь производится сборъ на немущихъ русскихъ, отсюда ведутся переговоры съ миссіей о зафрахтовкѣ для нихъ большого парохода въ Генуѣ. Атмосфера тяжелая, тревожная: плохо подвигается дѣло сношеній съ миссіей, мало надежды на то, что удастся достигнуть чего-нибудь. А народъ такъ и ѣдетъ со всѣхъ сторонъ. Скоро Швейцарія откажется помогать немущимъ—нѣтъ больше мѣста въ школахъ для ночлега. И какія деньги нужны, чтобы всѣхъ кормить!... Жутко становится за судьбу всей этой немущей молодежи.

Обстоятельства Качалова выяснились: съѣздить за семьей въ Италію — рѣшительно невозможно; онъ долженъ ограничиться тѣмъ, чтобы встрѣтить ихъ на границѣ, но раньше нужно еще и еще снестись телеграммами. А я не могу больше ждать и назначаю отъѣздъ на слѣдующее утро—28 іюля ст. ст. Поѣзда прямого сообщенія уже не ходятъ на Миланъ, нельзя даже узнать заранее, сколько времени продлится путешествіе туда съ неопредѣленнымъ количествомъ пересадокъ. Повсюду говорятъ о мобилизаціи въ Италіи, никакихъ точныхъ извѣстій о томъ, что тамъ дѣлается, нѣтъ. И странное дѣло: всю жизнь, съ юности, ѣздила я по Европѣ одна, а тутъ, при мысли о необходимости ѣхать въ одиночествѣ, чувствую какой-то гнетъ, который нужно преодолѣть. Но тревога и теплая забота, которую выказываютъ мнѣ друзья и новые знакомые, стараясь если не удержать меня, то снабдить на дорогу всѣми возможными удобствами и деньгами, которыя таютъ у нихъ самихъ съ каждымъ днемъ,—поднимаютъ духъ. Жгучее безпокойство о своихъ, о Россіи, куда я, наконецъ, ѣду, сливается съ потокомъ горячихъ, высокихъ впечатлѣній, и когда на слѣдующее утро, сѣвъ въ вагонъ, я гляжу въ окно на про-

вожающихъ меня друзей, и поѣздъ тихо трогается,—въ душѣ горить солнце и молитва...

Чудесный, свѣтзарный день, теплое сверкающее небо, снѣжныя горы въ отдаленіи, густо-синія воды Тунскаго озера. Тамъ, за горизонтомъ, кипитъ война, дьяволы возстали въ людяхъ. Но и ангелы съ свѣтлыми нѣжными глазами ходятъ по землѣ и умѣряютъ ея муки...

Противъ меня сидитъ молоденькая бѣлокурая швейцарка, полная ласковости и незаслуженной заботливости ко мнѣ. Она рассказываетъ мнѣ о мужѣ-офицерѣ горнаго швейцарскаго отряда, къ которому она ѣдетъ на южную границу Швейцаріи, о его смѣлости, о его исключительныхъ отношеніяхъ съ солдатами, за которыхъ его не любятъ другіе офицеры. „Онъ демократъ, мой мужъ, до мозга костей демократъ, какихъ и въ Швейцаріи не много. По счастью, и швейцарское правительство цѣнитъ въ немъ это, онъ быстро получаетъ повышенія. А отрядъ, которымъ онъ командуетъ, обожаетъ его. Они, какъ орлы, взбираются на самыя крутыя горныя вершины—они не допустили бы никого перейти границу Швейцаріи... Богъ дастъ, имъ не придется драться. Но странно все-таки: если бы итальянскія войска ринулись черезъ Швейцарію“...

— Итальянскія войска? Но куда?

— На Австрію, конечно. Развѣ вы не знаете: итальянцы ненавидятъ Австрію... И потомъ кто знаетъ—когда въ мірѣ начался такой адъ... Всѣ боятся всѣхъ... Нейтралитетъ ни отъ чего не гарантируетъ... Несчастная Бельгія!... О, какъ бы я пошла туда въ сестры милосердія... Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я уже прошла такіе курсы, теперь думаю поступить еще разъ, повторить... Если даже я не уѣду изъ Швейцаріи,—кто знаетъ: можетъ быть, намъ придется ухаживать за ранеными здѣсь—не за своими, такъ за иностранцами!... Кровь повсюду кругомъ, мирная Швейцарія должна облегчать страданія!“

За нѣсколько дней моего пребыванія въ Цюрихѣ и Бернѣ мнѣ пришлось бесѣдовать со многими швейцарцами: въ моменты общаго возбужденія легко завязываются разговоры съ чужими людьми,—и у всѣхъ я встрѣчала тѣ же настроенія, тѣ же мысли: испугъ передъ разыгравшимися событіями и особенную, приподнятую любовь къ своей маленькой миролюбивой родинѣ, чувство удовлетворенія отъ того, что она оказалась предусмотрительной, готовой къ вооруженной оборонѣ своего нейтралитета, и сознание, что нельзя оставаться пассивнымъ въ мировомъ бѣдствіи: если судьба позволить Швейцаріи сохранить миръ,—нужно по-

могать жертвамъ войны, перевязывать раны, облегчать страданія...

Но вотъ мы уже подъѣхали къ городку Бригъ,—къ подножію Симплона. Въ узкой долинь, по которой мчится мутно-зеленоватая горная рѣка, виднѣется пограничный лагерь швейцарскихъ войскъ. Моя ласковая спутница выходитъ здѣсь, осыпая меня самыми теплыми пожеланіями.

III. Черезъ Италію и Грецію.

Уже на послѣдней пересадкѣ передъ Бригомъ въ нашъ вагонъ набралось множество бѣдно одѣтыхъ, оборванныхъ итальянцевъ. Мы разговорились съ ними: это возвращающіеся на родину чернорабочіе, изгнанные войною изъ Германіи, Австріи, Франціи, изъ самой Швейцаріи. Множество предпріятій разорилось и закрылось въ одинъ день, десятки тысячъ непріязательныхъ рабочихъ-итальянцевъ, разсѣянныхъ по Европѣ, сразу лишились заработка; многіе не получили даже заработаннаго за послѣднее время и теперь, при участіи итальянскаго правительства, возвращаются на родину, гдѣ ждетъ ихъ, вѣроятно, безработица и страшная нужда. Нѣкоторые поражаютъ своей неразвитостью. Мой сосѣдь, справившись, откуда и куда я ѣду, и узнавъ, что путь мой лежитъ черезъ Грецію, отзывается полнымъ невѣдѣніемъ такой страны. Я думаю въ первую минуту, что ошибаюсь въ итальянскомъ наименованіи Греціи, заглядываю въ свой словарь,—но нѣтъ, молодой итальянецъ понятія не имѣетъ о томъ, что такое Гресіа, что такое il greso; другой, какъ будто бы даже встрѣчалъ грековъ, но не знаетъ, гдѣ они живутъ, и вообще со-всѣмъ не представляетъ себѣ европейской карты. Всѣ они спокойно оживлены, разговорчивы, но сумрачны, и пѣсня, которую они затягиваютъ хоромъ, звучитъ тоскливо.

Въ Бригѣ, мѣняя поѣздъ, я попадаю въ старый, грязный вагонъ, биткомъ набитый этими жертвами войны. Едва-едва нашлось маленькое мѣстечко для меня на краю узкой скамейки. Весь полъ заваленъ жалкимъ скорбомъ, не умѣстившимся на полочкахъ, надъ скамьями. Воздухъ ужасный. Среди этихъ голодныхъ людей—многіе нетрезвы; шутки ихъ съ единственной, кромѣ меня, женщиной въ вагонѣ—бѣдной, бойкой итальянкой—циничны, и когда поѣздъ входитъ въ безконечно длинный, душный симплонскій туннель, становится тяжело, почти жутко въ этомъ смрадномъ людномъ вагонѣ, еле освѣщенномъ мигающей стеариновой свѣ-

чой. Грубость, озлобленіе, темнота душевная чувствуются въ разговорахъ, въ позахъ и жестахъ, даже въ хохотѣ этихъ несчастныхъ людей... Ёдкій дымъ и паръ локомотива ползеть въ открытое окно. Нѣсколько разъ замедляется ходъ поѣзда въ туннель почти до полной остановки—говорять, здѣсь были недавно обвалы. Наконецъ, заскользили отблески дневного свѣта по неровнымъ стѣнамъ туннеля, стало легче дышать,—поѣздъ вырвался изъ каменныхъ тисковъ на солнце...

Крѣпость Iselle — граница Италіи. Толпы итальянскихъ рабочихъ изъ нашего вагона и изъ сосѣднихъ высыпаютъ на платформу — мужчины, женщины съ грудными дѣтьми. Тискается и толкается углами своихъ облѣзлыхъ сундучковъ, которые они тащатъ кто на спинѣ, кто передъ собою, направляются всѣ къ таможенѣ. При выходѣ изъ залы досмотра, въ полутемномъ коридорѣ вокзала, итальянецъ въ желѣзнодорожной формѣ раздаетъ женщинамъ бутылочки съ молокомъ для дѣтей и хлѣбъ. Мнѣ объясняютъ, что здѣсь, на границѣ, организована помощь бѣглецамъ, есть большой ночной пріютъ, и вотъ приходится кормить хоть дѣтей. Видимо, въ этомъ есть большая нужда: не успѣла я сѣсть въ вагонъ, на этотъ разъ чистый и съ иною публикою, какъ на платформѣ поднимается тревога: я вижу въ окно блѣдную, растрепанную женщину, которая, присѣвъ на корточки, держитъ въ рукахъ крошечнаго, закатившаго глаза ребенка. Къ рту его окружающіе приставляютъ рожокъ съ молокомъ, но онъ не беретъ его и только хрипитъ. Кондукторъ объясняетъ, что ребенокъ переголодался—нѣсколько дней безъ пищи, навѣрное,—умреть... Поѣздъ трогается, оставивъ на платформѣ мать съ умирающимъ ребенкомъ...

Сумерки подходятъ, розово-желтый отблескъ закатывающагося солнца горитъ на вершинахъ горъ, которыя уже разступаются, давая мѣсто хорошо обработаннымъ, усаженнымъ плодовыми деревьями ломбардскимъ равнинамъ. И воздухъ словно иной, болѣе теплый и мягкій, и все дышитъ миромъ. Я спохватываюсь, что на границѣ у насъ даже не посмотрѣли паспортовъ и вообще ни въ чемъ не чувствуется приготовленій Италіи къ войнѣ, мобилизаціи, о которой такъ много говорили въ Швейцаріи. Заговариваю съ сидящимъ противъ меня представительнымъ итальянцемъ—портѣе и переводчикомъ одного большого отеля, какъ онъ мнѣ вскорѣ рекомендуетъ:

— Повидимому, въ Италіи совсѣмъ не чувствуется война. Нигдѣ я не вижу здѣсь войскъ.

— О, помилуйте, сударыня! Мы готовимся, какъ и всѣ. Войска

не видно, но его очень много на швейцарской границѣ. Если бы они вздумали спуститься къ намъ со своихъ горъ, они бы увидѣли...

— Швейцарцы? Полноте! Съ какой стати?

— Но имъ предстоитъ голодъ. Подвозъ прекратился изъ-за войны, хозяйства разорены изъ-за мобилизациі... Et quand ils finiront leurs sacs de pomme-de-terre et viendront chez nous—огого! Мы имъ покажемъ!... Что дѣлать! Когда такое началось во всей Европѣ, всякій долженъ бояться сосѣда.

Почему-то къ Швейцаріи у него особенно сухое отношеніе. Къ Франціи, говоритъ онъ, всё въ Италіи относятся сочувственно; Австрія всёмъ ненавистна. Онъ обнаруживаетъ нѣкоторыя познанія по исторіи австро-итальянскихъ отношеній, но Германія и Англія рисуются ему, повидимому, только въ образѣ отдѣльных нѣмцевъ и англичанъ, которыхъ ему пришлось немало встрѣтить на своемъ жизненномъ пути; никакихъ общихъ взглядовъ на ихъ счетъ, никакихъ политическихъ горизонтовъ. Однако при первой возможности онъ покупаетъ газету и начинаетъ съ жадностью читать все, что относится къ войнѣ. Позднѣе я убѣдилась, что всё итальянцы страстно слѣдятъ за войной. Сообщенія о ней воспаляютъ ихъ кровь; возможно даже, что иные мирные буржуа, вовсе не желающіе, чтобы Италія втянулась въ міровую борьбу и не интересующіеся этой борьбой по существу, испытываютъ при чтеніи газетъ какое-то отдаленное подобіе тѣхъ чувствъ, которыя влекли ихъ отдаленныхъ предковъ въ циркъ—смотрѣть на бой гладіаторовъ...

Пока мой спутникъ читаетъ газету, я говорю съ молодой полькой, которая служитъ на желѣзной дорогѣ въ Варшавѣ и страшно тревожится тѣмъ, что ей не удастся къ сроку вернуться въ свое правленіе. Она, несомнѣнно, говоритъ по-русски, но мы обѣ еще не знаемъ о томъ, что совершилось за послѣдніе дни на почвѣ русско-польскаго вопроса—какой-то смутный слухъ объ этомъ, основанный на краткомъ газетномъ сообщеніи, долетѣлъ до меня въ Швейцаріи, но показался мнѣ маловѣроятнымъ,—и, боясь затронуть большую струну въ душѣ моей спутницы, стыдясь своихъ преимуществъ передъ нею въ Россіи и потому ёжась, я предпочитаю говорить съ нею на нейтральномъ французскомъ языкѣ и на нейтральныя темы. Теперь мы, вѣроятно, говорили бы уже иначе... Она сдержанна, какъ будто слегка недовѣрчива, но мало-по-малу становится очень любезной, и я даже рѣшаюсь предложить ей вмѣстѣ отыскать дешевую гостиницу въ Миланѣ, куда мы приѣдемъ неизвѣстно, въ которомъ часу,—потому что поѣзда

и здѣсь ходять изъ-за войны безъ точнаго расписанія,—но во всякомъ случаѣ поздно вечеромъ.

Гаснетъ закатъ надъ тихими прекрасными итальянскими озерами, мимо которыхъ мы проѣзжаемъ; смутно чернѣютъ кипарисы вокругъ изящныхъ маленькихъ виллъ. Уже мерцаютъ вечерніе огни, и медленно, подолгу задерживаясь на станціяхъ, мы подъѣзжаемъ, наконецъ, къ Милану. Знакомый вокзалъ, но новыя настроянія все окрашиваютъ по-новому. Мнѣ кажется, что и на площади, и на улицахъ, по которымъ мы идемъ къ указанной намъ гостиницѣ, въ оживленіи разговаривающихъ группъ, въ выкрикахъ газетчиковъ чувствуется отраженіе войны...

Утромъ, разспрашивая привѣтливыхъ встрѣчныхъ итальянцевъ о томъ, какъ пройти на почтамтъ, лечу черезъ весь городъ туда: жду условленнаго письма отъ Ильиныхъ. Итальянскій почтарь, какъ это имъ свойственно, сейчасъ же выкладываетъ мнѣ всё письмо, адресованнаго моимъ однофамильцамъ безъ различія собственнаго имени, неохотно принимаетъ ихъ обратно и заявляетъ, что больше ничего нѣтъ. Иду на вокзалъ, въ складъ ручного багажа, гдѣ Ильинъ долженъ былъ оставить, на случай неаккуратности итальянской почты, другое письмо. Тоже—ничего. Иду справляться, можно ли получить билетъ на пароходъ, отходящій въ Константинополь изъ Венеціи; оказывается, что на двѣ недѣли впередъ все разобрано. Можетъ быть, черезъ Бриндизи можно скорѣе проѣхать, говорятъ мнѣ; но въ головѣ у меня застряло сообщеніе русской миссіи въ Бернѣ о томъ, что въ Бриндизи уже двѣ тысячи русскихъ ждутъ очереди на маленькіе греческіе пароходы, отходящіе оттуда даже не ежедневно. Ужасно тяжело дѣлается на душѣ. И такой крошечной, ничтожной чувствую я себя въ этомъ огромномъ нарядномъ и оживленномъ городѣ подъ яркимъ небомъ, съ котораго льется удушающій, расслабляющій жаръ. Только въ соборѣ, гдѣ усердно молятся въ сумракѣ нѣсколько бѣдно одѣтыхъ женщинъ, удается мнѣ вновь собрать мысли, найти себя, свое отношеніе къ міру, къ людямъ, ко всему совершающемуся... Надо всетаки предпринять что-нибудь, чтобы скорѣе выбраться отсюда. Простившись въ гостиницѣ съ моей спутницей полькой, которая съ сумрачной энергіей спѣшитъ на вокзалъ, надѣясь—вопреки всѣмъ сообщеніямъ—пробраться въ Россію черезъ Венецію, и, выслушавъ отъ засидѣвшихъ въ столовой русскихъ нѣсколько путанныхъ устрашающихъ слуховъ о небезопасности пароходнаго сообщенія съ Россіей,—направляюсь въ русскую миссію. Въ длинномъ полутемномъ залѣ стараго миланскаго палаццо—толпа народа. Окруженный ею русскій кон-

сулъ, итальянецъ, говоритъ что-то на очень плохомъ французскомъ языкѣ. Не пробраться къ нему, не добраться до смысла того, что онъ говоритъ. Стоящіе подлѣ меня передаютъ, что рѣчь идетъ о пароходѣ, который долженъ быть зафрахтованъ для русскихъ при участіи живущаго въ Римѣ посла Крупенскаго. Та же исторія, что и въ Бернѣ.. Вдругъ, слава Богу: вижу въ толпѣ Ильина. А я ужъ думала, что придется ѣхать одной. Оказывается, итальянцы-таки не передали мнѣ его письма, которое черезъ полчаса и было вытребовано нами.

Опять легче стало на душѣ. Я быстро перебралась въ отделенный отъ центра пансіонъ, гдѣ остановились Ильины, и мы принялись хлопотать о билетахъ. Пока контора Кука посылала запросъ въ Бриндизи, мы ходили по Милану, заговаривая по всевозможнымъ поводамъ съ множествомъ итальянцевъ, читали газеты, визировали паспорта. Мучило нетерпѣніе, сердили соотечественники, живщіе въ нашемъ людномъ пансіонѣ и сладострастно передававшіе другъ другу волнующіе слухи о закрытіи Дарданеллъ, о боевой готовности Турціи. Миссія, куда мчались къ тремъ часамъ всѣ русскіе, путала умы разнорѣчивыми сообщеніями и указаніями. Не успѣло большинство вознадѣяться на зафрахтовку парохода Крупенскимъ, какъ вывѣшено было заявленіе, что это предположеніе разстраиается изъ-за недостатка угля въ Италіи. На слѣдующій день всѣмъ давали совѣтъ выбираться въ Россію какъ кто можетъ—за собственный счетъ и рискъ. А въ тотъ день, когда контора Кука сообщила намъ, наконецъ, радостную вѣсть, что билеты на ближайшій пароходъ, отходящій изъ Бриндизи, для насъ имѣются, прибѣжавшіе въ контору русскіе упрашивали взять заказанные ими билеты обратно, ибо въ консульствѣ только что вывѣшена телеграмма русскаго посла въ Греціи Нелидова, который проситъ консула никоимъ образомъ не допускать русскихъ ѣхать на Аѣны.. Быть можетъ, въ одиночествѣ трудно было бы не поддаться заразѣ этого смятенія, отчаянію отъ всѣхъ этихъ сбивающихъ съ толку указаній. Но вмѣстѣ было легко. Мы вспоминали рассказъ снѣвшаго подъ арестомъ въ Линдау русскаго путешественника, поддавашагося галлюцинаціямъ: „кругомъ меня—нѣмецкіе солдаты, а я вижу—львы“,—и когда начинались кругомъ мрачные фантастическіе рассказы, мы переглядывались, говорили другъ другу: „львы!“—и воображеніе протрезвлялось.

Ну, слава Богу! Кончились всѣ эти мытарства. Квитанціи отъ билетовъ у насъ въ рукахъ, мы спозаранку ѣдемъ въ Бриндизи, чтобы получить скорѣе самые билеты и обезпечить себѣ мѣста

на пароходъ: кто его знаетъ, можетъ быть, въ Бриндизи дѣйствительно множество ожидающихъ очереди русскихъ. На вокзалѣ намъ усердно помогаетъ въ разныхъ хлопотахъ интеллигентный нѣмецъ, принявшій сначала Ильина за своего соотечественника, но не перемѣнившій тона и послѣ того, какъ выяснилось, что мы русскіе. „Неужели оттого, что народы наши вступили въ борьбу, мы, и какъ частные люди, на нейтральной почвѣ, должны испытывать враждебныя чувства другъ къ другу“, говоритъ онъ съ милой грустной улыбкой. Наконецъ, мы въ вагонѣ. Два плотныхъ смуглыхъ итальянца ведутъ съ нами бесѣду,—конечно, о войнѣ. „Что сказалъ бы объ этой войнѣ вашъ Толстой!“, со вздохомъ замѣчаетъ одинъ изъ нихъ. Другой, болѣе живой по темпераменту, возбужденно толкуетъ о томъ, что итальянскій король, какъ и приспособляющееся къ нему правительство, находится въ разногласіи съ народомъ по вопросу о войнѣ. „Но они не заставятъ насъ итти противъ Франціи и Россіи, парламентъ уже высказался по этому поводу,—говоритъ онъ.—Противъ Австріи—это другое дѣло, и когда придетъ часъ, повѣрьте, они не смогутъ намъ помѣшать: мы ихъ...“, и онъ дѣлаетъ энергичный, выразительный жестъ пальцемъ сверху внизъ.

До Бриндизи скорымъ поѣздомъ двадцать съ лишкомъ часовъ пути. Мы несемъ черезъ всю Италію—мимо историческихъ городовъ и мѣстечекъ, названія которыхъ такъ много говорятъ воображенію. По одну сторону обрисовывается, то приближаясь, то удаляясь, цѣпь Апеннинъ, по другую—вплоть до Адриатики—равнина: правильные небольшіе четырехугольники полей, обсаженные деревьями, которыя соединяются между собою красивыми гирляндами хмеля и винограда. Въ тряскомъ вагонѣ—духота, угольная пыль, шумъ и трескъ. Къ вечеру уже начинается томить усталость, палить жажда; сидящій поблизости старый рабочій ежеминутно запрокидываетъ въ ротъ большую бутылку съ краснымъ виномъ въ соломенной оправѣ и, разговаривая о войнѣ, добродушно угощаетъ этимъ же виномъ спутниковъ. Ночь трудная, бессонная, нельзя протянуть ноги: на свободныхъ лавкахъ, подлѣ устало дремлющихъ бѣдныхъ матерей разметались почти голыя смуглыя дѣти. Но зато желѣзная дорога подошла теперь къ самому морю; соленое дыханіе его проникаетъ въ окно, отраженія звѣздъ плещутся въ тихо набѣгающихъ на берегъ волнахъ, и на отдаленныхъ, подернутыхъ туманомъ, скалистыхъ мысахъ, какъ живыя, шевелятся, мерцаютъ, огни прибрежныхъ городковъ. Въ вагонѣ какъ будто тише, и мы коротаемъ время въ разговорахъ, пока не начинается свѣтать, свѣтлѣть, ро-

зовѣтъ въ небѣ и въ морѣ, пока не выкатывается, наконецъ, изъ за горизонта, легко и торжественно, пылающій, ослѣпительный солнечный шаръ. Еще прекраснѣе кажется, чѣмъ всегда, еще болѣе захватываетъ и поднимаетъ душу этотъ восходъ солнца надъ моремъ при смутно волнующихъ, непрерывныхъ мысляхъ о разыгравшейся въ мірѣ великой трагедіи...

Пейзажъ кругомъ—уже совсѣмъ южный: на неровномъ желтомъ скалистомъ берегу, по обѣимъ сторонамъ дороги, растутъ только серебристыя маслины и агавы, а море синѣетъ такъ ярко и плещетъ жемчужной пѣной. Въ придорожныхъ мѣстечкахъ маленькіе дома съ плоскими кровлями и узкими оконцами кажутся совсѣмъ замученными солнцемъ. Опять удушая жара, пыль и трескъ въ вагонѣ, и нетерпѣніе: когда же Бриндизи?... а все остальное, какъ во снѣ. Наконецъ, пріѣхали. Думается, вотъ тутъ близко море, пляжъ, можно вздохнуть. Ничего подобного: раскаленный камень длинныхъ, ровныхъ улицъ, залитые солнцемъ прозаическіе каменные кубики домовъ, нигдѣ никакой тѣни, ни дерева, ни навѣса надъ дверьми. Лѣнливо двигаются кое-гдѣ разомлѣвшіе обыватели, лѣнливо жуютъ какія-то сѣмечки торговцы, сидя на соломенныхъ стульяхъ подлѣ своихъ лавокъ; лѣнливо шагаетъ подлѣ запряженнаго ослика полуголый погонщикъ. Кажется, мы заѣхали на край свѣта, далеко-далеко отъ всего, что живетъ по-настоящему, движетъ и осмысляетъ жизнь. И до моря такъ далеко кажется идти по этой жарѣ съ мелкимъ багажомъ въ рукахъ. Мы ходимъ часъ, больше часа, выискивая дешевое и мало-мальски сносное пристанище. Наконецъ, остановились въ сомнительной греческой гостиницѣ „Европа“, вдали отъ моря. Въ столовой—все дѣловой итальянскій народъ. Русскихъ нигдѣ ни души. Говорятъ: какіе пріѣзжали къ пароходамъ, тѣ и отплыли. Намъ больше сутокъ до отплытія. Стараемся превозмочь невзгоды шутками, наблюдаемъ нашего смѣшного, расторопнаго слугу-итальянца Домѣннико, нѣчто вродѣ захоластнаго Фигаро въ толстой шерстяной фуфайкѣ на голое тѣло; рассматриваемъ бриндизійскихъ жителей, которые къ вечеру просто сидятъ себѣ на стульяхъ, разставленныхъ кучками по широкой панели, играютъ въ карты, вяло перекидываются словами или спорятъ и бранятся. Потомъ мы вовлекаемся, по-русски, въ затяжной, горячій споръ на серьезныя темы и расходимся порядочно утомленные. Въ каморкѣ моей грязь неопишемая; окна не полагаются; вмѣсто него дверь со стеклышкомъ на узкій балконъ, опоясывающій крохотный свѣтовой дворикъ съ кухней въ нижнемъ этажѣ. Къ полночи въ гостиницу нагрязнула

новая партія постояльцевъ, зазвучалъ повсюду громкій итальянскій говоръ и развязный смѣхъ, въ кухнѣ начали что-то жарить, и ѣдкій чадъ, пробравшись въ мою комнату, до утра не давалъ спать, а мысли плыли, плыли безъ конца, и въ такой дали оставалась Россія... Томительнѣе этой ночи ничего не было въ нашемъ путешествіи.

На слѣдующій день, послѣ полудня, перебираемся на пароходъ, отплывающій только вечеромъ. Пароходъ маленькій, скверный, грязный, жара адская, но на водѣ легче и кругомъ какъ будто какая-то жизнь: суда, лодки; небольшой австрійскій крейсеръ у берега слегка будоражитъ воображеніе; на берегу красивая южная вилла среди пальмъ. Съ вокзала, съ поѣзда, съ которымъ и мы пріѣхали изъ Милана, начинаютъ сѣзжаться пассажиры,—среди нихъ оказывается нѣсколько петербургскихъ знакомыхъ, въ томъ числѣ членъ редакціи „Русскихъ Вѣдомостей“ К. В. Аркадакскій съ женою; всѣ они въ первомъ классѣ, но видѣтся и говорить можно. Нѣкоторые пріѣхали изъ Парижа, пережили тамъ дни мобилизаціи, общее волненіе, общее движеніе на защиту страны, быстрое преображеніе блистательнаго, оживленнаго города въ какой-то новый, величаво строгій.. На палубѣ второго и третьяго класса знакомыхъ нѣтъ, но среди итальянцевъ и грековъ, торопящихся по дѣламъ въ Аѣны и Константинополь, румынъ, поспѣшно, въ виду войны, возвращающихся на родину, набирается порядочно русской интеллигенціи. Быстро завязываются знакомства, начинаются разговоры. „Проѣдемъ ли?“—„Открыты ли Дарданеллы?“—„Но если они и закрыты, проѣдемъ на Дедеагачъ и Адрианополи!“—„Но, говорятъ, въ Пиреѣ или даже въ Аѣнахъ—холера, чума.“—Ну, это, положимъ, „львы...“ Приносятся свѣжія газеты, впервые повѣствующія объ инцидентѣ „Гебенъ“ и „Бреслау“, о предъявленномъ Турціи ультиматумѣ союзниковъ. Это ужъ, повидимому, не „львы“. Если Турція взбаламутится, пожалуй, и на Адрианополи не проѣдешь, надо искать еще какой-нибудь путь. Денегъ маловато у всѣхъ насъ, задержаться гдѣ-нибудь никакъ невозможно. И еще болѣе томить нетерпѣніе. А пароходъ все стоитъ и не разводитъ паровъ, хотя ужъ и вечеръ наступилъ, скоро пора двигаться: говорятъ, съ вечернимъ поѣздомъ пріѣдетъ еще много народу, хотя каюты наши, рассчитанныя всего человекъ на восемьдесятъ, давнымъ-давно переполнены, и на узкой палубѣ становится все тѣснѣе. Уже совсѣмъ темно. На австрійскомъ крейсерѣ зажглись цвѣтные огни, тамъ идетъ таинственная жизнь. Издали, съ моря, отгороженнаго отъ насъ моломъ и

мысомъ, быстро двигаются, задѣвая и берегъ, и насъ, и облака въ небѣ, гигантскіе свѣтовые щупальцы прожекторовъ... А на набережной, въ освѣщенной тавернѣ, итальянцы беззаботно поютъ и пляшутъ. Толпа снуетъ, разносчики, итальянцы и греки, проталкиваются съ товарами по нашей палубѣ. Уже шипятъ пары и валитъ дымъ изъ паровой трубы, когда мелкорослыя бриндизійскія лошаденки со звоночками начинаютъ подвозить съ вокзала экипажи, нагруженные вещами и вновь прибывшей публикой. Греческая паровая компанія беретъ втридорога и всѣхъ пускаетъ. Пассажиры занимаютъ всѣ скамейки вдоль палубнаго борта, всѣ имѣющіеся на пароводѣ стулья и, наконецъ, отвоевывая другъ у друга каждый клочокъ мѣста, устраиваются на полу...

Полночь. Послѣднія приготовленія, пароводъ сталъ тихо поворачиваться. Звонко раздается во мракѣ непонятная намъ переключка капитана съ кѣмъ-то остающимся на берегу, и мы уже окружены водою. Цвѣтные фонарики въ концѣ мола прошли со всѣмъ близко подлѣ насъ, открылось тихое, ровное, черное море,— и огромная радость, радость отплытія и устремленія впередъ, сошла въ душу...

Долго еще нельзя было заснуть. Я не пошла въ каюту; тамъ жара, вентиляторовъ нѣтъ, воздухъ, какъ въ ночлежномъ домѣ. А на палубѣ дуетъ въ лицо освѣжающій вѣтерокъ, слышны сквозь мѣрный стукъ работающей машины плескъ и бульканье разсѣкаемой пароводомъ морской воды. Я устроилась у стѣнки на раскладномъ полотняномъ стулѣ, и мнѣ такъ хорошо оттого, что мы ѣдемъ, оттого, что мы въ морѣ. Я дремлю, то засыпаю, то какъ-то не сразу и не совсѣмъ просыпаюсь, гляжу на чернѣющія кругомъ меня фигуры беззаботно спящихъ въ самыхъ неудобныхъ позахъ южанъ, на усталыя, блѣдныя лица тревожно дремлющихъ русскихъ. Странно, что среди русскихъ огромное большинство женщинъ. Прямо передо мной, еле освѣщенныя издали тусклымъ фонаремъ, на узкой лавочкѣ у борта, двѣ женщины, двѣ сестры, которыхъ я сразу замѣтила на пароводѣ: обѣ уже старыя, но величаво красивыя, съ умными большими темными глазами; одна полная, съ большимъ сердцемъ, которое она ѣздила лѣчить, другая—худощавая, строгая. Теперь больная дремлетъ, опустивъ голову на плечо своей сестры, а та сидитъ прямо и неподвижно, съ открытыми глазами и необычайно трагическимъ выраженіемъ лица. Много разъ въ теченіе ночи, просыпаясь, я смотрю на нихъ. Уже брезжитъ свѣтъ, лица ихъ кажутся сѣрыми и въ покоѣ своемъ точно каменными, а у той—все попрежнему широко открыты большіе, глубокіе, страдальчески се-

рѣзные глаза... Подъ утро налетаетъ сильный, холодный вѣтеръ, я начинаю зябнуть, и, замѣтивъ это, добрые чужіе люди совѣтуютъ мнѣ перейти на другую сторону парохода, переносятъ мой стулъ, стараются устроить меня какъ можно удобнѣе. Я не помню уже, кто это былъ, но въ душѣ осталось ощущеніе теплой заботы незнакомыхъ людей на свѣжемъ морскомъ просторѣ.

Съ ранняго утра горитъ солнце надъ прозрачной, ярко-синей водной глубиной, сверкають алмазныя искры въ волнахъ. Мы уже пересѣкли Адриатическое море и плывемъ къ югу, вдоль округлыхъ, голыхъ, розовато-желтыхъ скалъ, на которыхъ виднѣются лишь темныя пятна травы или чахлахъ кустарниковъ. Неужели это берегъ Греціи?... Наконецъ, и съ другой стороны парохода начинаютъ вырисовываться сквозь туманъ очертанія скалистаго берега: это островъ Корфу... Солнце печетъ уже невыносимо, и у всѣхъ потъ градомъ катится съ лица, когда мы подплываемъ къ заливу, въ глубинѣ котораго виднѣется городокъ. Странно, что здѣсь живутъ—правда, зимою—многіе богатые европейцы: пустынные крутыя скалы, внизу которыхъ лѣпятся одинъ надъ другимъ разноцвѣтные домики, скудная южная растительность, въ сторонѣ—не то крѣпость, не то суровая казарма. Только многочисленныя лодки подъ цвѣтными зонтиками, которыя быстро несутся къ намъ со всѣхъ сторонъ, указываютъ на то, что въ городкѣ есть своеобразная жизнь. Лѣзутъ на бортъ къ намъ разносчики съ фруктами, съ папиросами, съ четками изъ раковинъ, съ газетами, толкаются, ссорятся и даже буквально дерутся, наперебой предлагая товаръ. Газеты здѣсь уже греческія. Ильинъ при посредствѣ древне-греческаго кое-какъ разбирается въ нихъ; другіе обращаются къ помощи стараго грека, говорящаго по-французски. Инцидентъ „Гебенъ“ и „Бреслау“ въ полномъ разгарѣ, а что касается Дарданеллъ, то одна газета говоритъ такъ, другая этакъ. Скорѣе бы узнать все въ Аѳинахъ.

Долго стоимъ въ Корфу, потомъ выходимъ опять въ открытое море,—еле виденъ берегъ съ одной стороны,—и вдругъ замѣчаемъ вдали какую-то морскую эскадру съ двумя бѣлыми крейсерами и пятью темнѣющими миноносцами. Долго смотримъ на нихъ въ бинокль. Въ публикѣ волненіе. Капитанъ предупреждаетъ, чтобы мы не пугались въ случаѣ, если насъ остановятъ и будутъ осматривать пароходъ,—это англичане. Но эскадра постепенно удаляется отъ насъ, и мы ѣдемъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ приключеній.

Въ сумракѣ, на поворотѣ къ Коринѣскому проливу, насъ порядочно покачало; многимъ стало нехорошо, но у болѣе опыт-

ныхъ спутниковъ нашихъ нашелся коньякъ и другія средства противъ морской болѣзни, и дружеская услужливость, забота другъ о другѣ, общія шутки въ борьбѣ съ новой невзгодой создали у насъ, на палубѣ второго и третьяго класса, такую атмосферу, что когда качка прекратилась, всѣмъ казалось уже совсѣмъ все удобно и хорошо. Каждый тайно несъ въ душѣ какую-нибудь тревогу, мучился безъ вѣстей отъ родныхъ и близкихъ, каждому пришлось пережить въ дни объявленія войны большое волненіе и много всякихъ трудностей изъ-за внезапнаго безденежья, пройти черезъ минуты тягостныхъ колебаній передъ тѣмъ, какъ рѣшиться на смутно рисующійся, связанный съ разными неожиданностями переѣздъ. Вотъ эта болѣзненная женщина съ умнымъ лицомъ, жена петербургскаго инженера, едва оправилась отъ болѣзни въ курортъ, и чего ей стоило взять на себя отвѣтственность за такой переѣздъ съ двумя дѣвочками-гимназистками. Эта бѣлокурая, добродушно-энергичная одесситка, съ малороссійскимъ говоромъ, ѣдетъ съ двумя молодыми дѣвушками, своей дочерью и ея подругой, которыя только что подверглись серьезной операціи въ Лозаннѣ. Та престарѣлая учительница, недавно выслужившая пенсію, надѣялась было отдохнуть за всю жизнь, пожить въ Швейцаріи, и вотъ приходится спѣшить назадъ, въ Россію. Тотъ корректный и благодушный русскій нѣмецъ, инженеръ-фабрикантъ изъ Риги, съ нездоровой женой и двумя почти не говорящими по-русски юными дочками, ѣдетъ съ безпокойствомъ о томъ, какъ приметъ ихъ вторая его родина, Россія. Два русскихъ офицера въ штатскомъ платьѣ, едва успѣвшіе выбраться изъ Австріи, торопятся въ армію, въ бой, и не знаютъ, пропуститъ ли ихъ Турція. Ильинъ не можетъ не задумываться о томъ, удастся ли ему довести до дому диссертацию о Гегелѣ, стоившую ему многихъ лѣтъ труда и еще не совсѣмъ законченную. Но надъ всѣмъ личнымъ стоитъ общая, сближающая всѣхъ большая тревога о томъ, что дѣлается въ Россіи, во Франціи, въ Бельгіи, впервые ставшей всѣмъ близкой, и горячая вѣра въ то, что безпредѣльныя муки войны разрѣшатся побѣдою болѣе гуманныхъ по своимъ стремленіямъ, болѣе благородныхъ въ средствахъ и способахъ борьбы. И по сравненію съ этимъ такъ несущественны всякія различія взглядовъ, привычекъ, индивидуальных особенностей...

Вечеръ и ночь проходятъ. Утромъ мы плывемъ Коринѣскимъ проливомъ, между высокихъ, пустынныхъ, выжженныхъ солнцемъ береговъ, проходимъ черезъ узенькій, какъ тунель, едва пропускающій небольшіе пароходы Коринѣскій каналъ, и передъ нами вновь

открывается море. Въ знойномъ туманѣ плывутъ мимо скалистые острова архипелага. Въ прозрачныхъ зеленовато-синихъ волнахъ видны морскія звѣзды и медузы. Вспоминается Гомеръ, Одиссея... Въ пять часовъ дня мы будемъ въ Пиреѣ.

Вотъ онъ, наконецъ, въ глубинѣ большой округлой бухты, съ десятками пароходовъ и парусныхъ судовъ у пристани. Выше, на холмѣ, Аѣны, а надъ ними крутыя, сіяющія горы. Что это виднѣется тамъ, на вершинѣ?... Не Акрополь ли?... И всё глядятъ, вглядываются, волнуясь, отдаваясь игрѣ воображенія... Здѣсь, въ Аѣнахъ, мы узнаемъ, наконецъ, куда намъ держать путь, скоро ли доберемся мы до Россіи. Но Акрополь, съ которымъ столько связано въ душѣ у всѣхъ живыхъ людей—нельзя же не увидѣть его и при такихъ обстоятельствахъ.

Сталъ на якорь, вдали отъ берега, нашъ пароходъ. У борта прыгаютъ по волнамъ лодки съ крикливыми лодочниками-греками. Спускаемся, переправляемся, лавируя между полчищами отдыхающихъ у берега судовъ. На цѣлый часъ заботы о дальнѣйшемъ пути и разныхъ житейскихъ мелочахъ отрываютъ насъ отъ мыслей объ Аѣнахъ. Мужчины бѣгутъ въ русскую миссію и къ разнымъ консуламъ. Нѣкоторые, не дождавшись ихъ возвращенія, рѣшаются, по совѣту какихъ-то переводчиковъ, сѣсть на пароходъ, отплывающій немедленно. Наконецъ, послѣ надлежащихъ справокъ, выясняется, что всего скорѣе и вѣрнѣе мы пройдемъ въ Россію, взявъ завтрашній пароходъ прямого сообщенія на Салоники, а оттуда—желѣзной дорогой на Сербію и Болгарію. Значить, все улаживается, и у насъ есть законныя сутки въ Аѣнахъ. Какая радость... Доберешься ли сюда когда-нибудь въ другой разъ!... И мы ѣдемъ въ гору по электрической желѣзной дорогѣ, соединяющей Пирей съ Аѣнами, вглядываясь сквозь спустившіяся сумерки въ окружающій пейзажъ, съ его холмами, плоскими домиками, южной растительностью, и думая о бывлой прекрасной Греціи, о бывлыхъ Аѣнахъ, исторія которыхъ разыгрывалась вотъ здѣсь, на этихъ самыхъ холмахъ, на этой самой изсохшей каменистой землѣ... А новыя Аѣны,—большой обычный европейскій городъ, съ множествомъ большихъ, ярко освѣщенныхъ магазинововъ, съ людными, оживленными кафе, живутъ всею полнотою взбудораженной, по южному кипящей современной жизни. На большой, залитой электрическимъ свѣтомъ площади, съ скверомъ изъ роскошныхъ пальмъ, на всѣ голоса кричатъ мальчишки-газетчики, всовывая въ руки прохожимъ послѣднія извѣстія о войнѣ. Мы спускаемся изъ отеля, чтобы посмотреть эту жизнь аѣнской улицы и заходимъ въ „Бюро мор-

скихъ сообщеній“. Плохо говорящій по-французски грекъ, твердо стоя на томъ, что ѣхать черезъ Дарданеллы опасно и что лучше взять указанный намъ путь на Салоники и Нишъ, хочетъ поговорить съ нами о войнѣ, но, затрудняясь въ выраженіяхъ, подзываетъ какого-то молодого человѣка съ улицы. Тотъ привѣтливо улыбается, узнавъ, что мы русскіе:

— О, не думайте, что мы не знаемъ Россію... Мы читаемъ вашихъ писателей— по-гречески и по-французски: Тургеневъ, Чеховъ...

Онъ увѣряетъ насъ, что если Турція втянется въ войну, Греція сейчасъ же выступитъ заодно съ союзниками, и мы разстанемся пріятелями. Съ кѣмъ мы ни заговаривали въ Аѣинахъ—всѣ расписывались въ симпатіяхъ къ союзникамъ: „Нашъ король держится, правда, иныхъ взглядовъ... Ну, что-жъ, это и понятно... А мы будемъ еще воевать бокъ-о-бокъ съ вами“...

До поздней ночи гудѣла говоромъ и криками площадь съ роскошными пальмами, не давая спать, а на утро всѣ вскочили рано, съ мыслью объ Акрополѣ. Но предстояло еще много неустрашимыхъ житейскихъ дѣлъ, связанныхъ съ отъѣздомъ. Только послѣ полудня, въ самые знойные часы, когда въ Аѣинахъ прекращается даже торговля, побѣжала я къ трамваю, который везетъ къ Акрополю. Камни горѣли подъ ногами, туманился отъ жары мозгъ. Какъ сквозь сонъ смотрѣла я, въ ожиданіи трамвая, на колоннаду аѣинской академіи съ фресками въ глубинѣ, какъ сквозь сонъ разговаривала жестами съ общительной гречанкой-торговкой, подлѣ украшеннаго пальмовыми вѣтвями и цвѣтами ослика, нагруженнаго корзинами фруктовъ; въ полузабытій доѣхала до Акрополя и стала подниматься въ гору. Но вдругъ словно спала жара, прояснилось зрѣніе... Такія родныя, такія знакомыя—и такія неожиданныя предстали передо мною эти полуразрушенные храмы на вершинѣ скалы, эти дали внизу, городъ на холмахъ, дороги, ведущія къ заливу, къ Фалеру и Пирею, и самый заливъ съ сверкающими на немъ парусами чуть видныхъ отплывающихъ судовъ, и мгlistыя горы, полукругомъ замыкающія горизонтъ. Прекрасные героическіе образы древней Греціи, вошедшіе въ душу съ ранней юности и сохранившіеся въ ней со всей свѣжестью и интимностью перваго пріобщенія къ широкому божьему міру, ожили и затрепетали въ воображеніи съ такой силою, что все кругомъ преобразилось, стало на мигъ такимъ, какимъ когда-то было... Но вотъ я слышу—проводникъ объясняетъ и переименовывааетъ все, обращаясь къ группѣ нашихъ спутниковъ, тоже взобравшихся на Акрополь. Я прислушиваюсь, вновь вижу передъ

собой дѣйствительность—развалины храмовъ, обломки колоннъ на землѣ, разбитыя, частью реставрированныя каріатиды, остатки чудесныхъ фидіевскихъ горельефовъ. „Вотъ здѣсь венеціанская бомба попала въ колоннаду—видите отъ нея остался слѣдъ въ камнѣ... А это?... Нѣтъ, это уже принадлежитъ римской эпохѣ... Это разрушено турками...“ толкуетъ проводникъ. И я не столько думаю, сколько чувствую, съ силою, доводящею до головокруженія, какъ несутся вѣка и событія міровой исторіи, какъ рушатся государства, поколѣнія и вѣрованія, сокрушаются дивныя памятники искусства—не временемъ, а людьми сокрушаются, въ дикомъ ослѣпленіи, въ неистовствѣ войны, какъ теперь, тамъ, въ Европѣ, которую мы всѣ такъ любили, которая казалась единою въ своей культурѣ... Но они все же стоятъ передъ глазами—Пареенонъ, Эрехтейонъ, Пропилеи и маленькій храмъ богини Побѣды. Матерія разрушилась, но красота, душа ихъ, жива и что-то строгое, важное, свѣтлое,—и обязывающее, и освобождающее,—леть намъ въ сердце. И такая тишина кругомъ, такой сіяющій просторъ! Маленькія травки колючими, цѣпкими гирляндами ползутъ по землѣ, между обломками мрамора. Хотѣлось бы сѣсть тутъ, у разбитыхъ колоннъ или на ступеняхъ Пропилей, и сидѣть такъ долго, въ полномъ одиночествѣ, глядя на городъ и на этотъ холмъ, гдѣ собиралось народное собраніе, и туда—на эту странную каменную конуру съ чернѣющимъ отверстіемъ входа—темницу Сократа. Здѣсь, вотъ именно здѣсь онъ умеръ?... Но вѣдь онъ живъ. И Платонъ живъ. Какъ ясно чувствуется въ эту минуту вся его несказанная красота, его духовная близость... Никогда не можетъ умереть воистину живое.

Надо уходить. Пора собираться, ѣхать.

Къ вечеру мы вновь на греческомъ пароходѣ—старомъ, грязномъ, неуклюжемъ, съ зловонной нижней палубой, съ шаткими мостиками между верхними палубами и крутыми, засыпанными углемъ лѣсенками. Но настроеніе у всѣхъ насъ приподнятое: путь нашъ теперь ясенъ и ничѣмъ серьезнымъ болѣе уже не грозитъ. Аркадакскій и Ильинъ достали, на всякій случай, для всей компаніи пропускныя свидѣтельства отъ посланниковъ Сербіи и Болгаріи. Къ тому же на новомъ пароходѣ у насъ есть одно преимущество: верхняя палуба низшихъ классовъ, въ видѣ широкой квадратной площадки на кровлѣ двухъярусныхъ каютъ, помѣщается на носу; дымъ паровой трубы не осѣдаетъ здѣсь, и передъ глазами такое удивительное зрѣлище: гавань съ цѣлымъ лѣсомъ мачтъ и снастей, съ цвѣтными фонариками, отражающимися въ волнахъ, вереницы и груды разсыпавшихся огней на берегу и

на склонахъ берега. Уже сливаются съ сумракомъ ночи очертанія горъ, и смутно рисуется горизонтъ со стороны почернѣвшаго моря, когда мы поднимаемъ якорь. Пароходъ, осторожно пробравшись между другихъ судовъ, выходитъ на просторъ и медленно плыветъ къ сѣверу, не удаляясь отъ берега. Огни Фалера провожаютъ насъ, надъ ними высокій холмъ кажется усыпаннымъ дрожащими и вспыхивающими искрами: это Аѳины... Долго не отрываються отъ нихъ глаза. Наконецъ, они скрылись изъ виду. Пассажиры начинаютъ устраиваться на ночь. У меня и моей сосѣдки—полотняныя кресла на палубѣ; кругомъ насъ, на грязномъ полу, тѣсно прижимаясь другъ къ другу и подкатываясь вплотную къ нашимъ ногамъ, уже полегли простолюдины-греки, турки, румыны; кто положилъ вмѣсто подушки свой узелокъ, кто подсунулъ подъ голову большой бѣлый хлѣбъ. Дѣвочки, дочки моей сосѣдки, долго еще бѣгаютъ вверхъ и внизъ по лѣсенкѣ, услужливо принося изъ каюты то одно, то другое, наконецъ, успокаиваются; одна подсаживается въ кресло матери и засыпаетъ подлѣ нея. Наступаетъ ночная тишина, такая широкая, глубокая и волнующая, что я не могу и думать о снѣ. Высоко надъ головой, на передней мачтѣ, горитъ сигнальный огонь; онъ прикрытъ снизу рефлексоромъ и не рѣжетъ глазъ, но снасти, веревки, спускающіяся съ вершины мачты, залиты его сіяніемъ и кажутся фантастически-свѣтящимися. Впереди, на самомъ носу судна, гдѣ смутно бѣлѣютъ въ темнотѣ какія-то поднимающіяся кверху, таинственныя изогнутыя трубки, виденъ неподвижный темный силуэтъ наблюдающаго за ходомъ корабля, и ближе—величавая фигура бородатаго турка въ чалмѣ, который дремлетъ, сидя, поджавъ подъ себя ноги по-восточному и скрестивъ руки. А кругомъ—черное, уходящее во мглу море, и небо надъ головой,—чудесное родное небо, все въ звѣздахъ, въ гирляндахъ знакомыхъ созвѣздій. Млечный путь стелется бѣлымъ дымомъ отъ одного края неба до другого. Юпитеръ ярко горитъ въ вышинѣ. Я знаю, откуда онъ виденъ въ эти часы ночи дома, у насъ въ деревнѣ, и кто, навѣрное, смотритъ на него теперь съ балкона, выходящаго въ старый липовый и яблочный садъ. Я ѣду, ѣду!... Скоро уже я буду тамъ, съ ними, въ Россіи. О, какъ хочу я скорѣе работать, присоединиться къ милліонамъ людей, участвующихъ въ этой неимоверно-огромной и страшной борьбѣ. Десятки и сотни тысячъ священныхъ человѣческихъ жизней будутъ принесены ей въ жертву, и страданія остающихся въ живыхъ превзойдутъ все, что когда-либо рисовало намъ воображеніе; но я вѣрю, я чувствую, изъ этихъ морей невинной человѣческой крови,

пролитой за грѣхи нравственно-слѣпыхъ и надменныхъ, изъ этого ада изступленій и страданій подымутся ростки новой жизни, забрезжитъ новый свѣтъ... Подъ этимъ звѣзднымъ небомъ, которое горить надо мною во всей своей славѣ и красотѣ, восторгъ, „въ которомъ срастаются вершины страданья и блаженства“, заливаешь сердце.

IV. Черезъ Сербію.

Двѣ ночи плыли мы по Мраморному морю. На разсвѣтъ второго дня, когда поднялся сильный предутренній вѣтеръ и пароходъ нашъ вздрагивалъ и трясся отъ ударовъ взбѣгающихъ на него валовъ, впереди засвѣтился двойной салоникскій маякъ. Въ пятомъ часу утра, еще до восхода солнца, мы пристали къ берегу. Набережная была уже полна народомъ. Къ пріятному нашему удивленію, насъ встрѣтилъ при выходѣ съ парохода драгоманъ русской миссіи—объясняющійся по-французски турокъ—и предложилъ намъ свои услуги при совершеніи разныхъ формальностей, связанныхъ съ военнымъ временемъ, и переѣздъ на вокзалъ желѣзной дороги. Тамъ нужно будетъ взять билеты только до сербской границы, потому что Сербія перевозитъ всѣхъ русскихъ даромъ, сообщилъ онъ. Мы проѣхали въ экипажахъ по пыльнѣйшимъ дорогамъ и улицамъ невзрачнаго торговаго города съ турецкимъ и греческимъ населеніемъ, посидѣли пару часовъ за грязными столиками во дворѣ весьма наивнаго мѣстнаго кафѣ, неподалеку отъ вокзала, и часовъ въ десять утра тронулись въ путь. Непривѣтливая болотистая равнины тянулись по сторонамъ дороги. Иногда мы встрѣчали какое-нибудь покинутое, расшибленное пушечнымъ снарядомъ каменное зданіе: недавно еще война прошла здѣсь. Кто-то рассказывалъ намъ въ Салоникахъ, будто теперь австрійцы зашли уже далеко въ глубь Сербіи, подходят къ Нишу. Это, навѣрное, „львы“. Но подѣзжая къ Сербіи, испытываешь какое-то волненіе: маленькая страна во всякомъ случаѣ переживаетъ ужасные дни.

Вотъ мы и на границѣ. Нужно мѣнять поѣздъ. На небольшой станціи слышна полупонятная славянская рѣчь. И лица по типу словно знакомы: смуглыя, но въ большинствѣ съ свѣтлыми глазами, съ русыми, часто съ бѣлокурыми волосами. И костюмы на крестьянахъ и крестьянкахъ, продающихъ пассажирамъ печенья яйца, хлѣбъ и ключевую воду въ глиняныхъ кувшинахъ, похожи на русскій народный костюмъ южныхъ губерній. Желѣзнодорожное начальство объясняетъ намъ, что къ нашимъ услугамъ безплатно

вагоны первого и второго класса. Отличные, комфортабельные, хотя и не новые и не очень чистые вагоны европейскаго образца. Мы разсаживаемся, при чемъ нѣкоторые наши спутники изъ первого класса спѣшатъ занять по цѣлому купѣ на двухъ человекѣхъ и запираютъ изнутри двери. Мѣстъ нехватаетъ, мы тѣснимся и смущаемся; сопровождающій насъ въ пути инспекторъ сербскихъ желѣзныхъ дорогъ, извиняясь нѣсколько неожиданнымъ для него поведеніемъ нашихъ спутниковъ и отсутствіемъ дополнительныхъ вагоновъ второго класса, обѣщаетъ прицѣпить на ближайшей станціи лишній вагонъ третьяго класса. Поѣздъ трогается. Мы читаемъ купленную на станціи сербскую газету—странно, ее можно всетаки понимать—и что-то трогательное, теплое вѣетъ на насъ отъ первой же передовицы ея, написанной по случаю дня рожденія Франца-Иосифа: такое человѣчное отношеніе къ старику, императору вражеской страны, такой совсѣмъ не газетный грустный лиризмъ. И покорность судьбѣ, заставившей вступить въ эту тяжелую борьбу, и готовность биться не на жизнь, а на смерть. Мы еще находимся подъ этимъ впечатлѣніемъ, когда въ дверяхъ нашего купѣ появляется человекъ въ формѣ и какъ бы желаетъ спросить о паспортахъ или билетахъ, но затѣмъ произноситъ только полувопросительно:

— Братья русси?

И на нашъ утвердительный отвѣтъ прикладываетъ пальцы ко лбу въ знакъ привѣта и съ полупоклономъ исчезаетъ. До боли защемило въ сердцѣ отъ умиленія при этомъ словѣ „братья“, потому ли, что есть въ немъ что-то простодушное, слишкомъ непривычное въ международномъ общеніи, или потому, что пронеслась вдругъ мысль о томъ, что всѣ народы должны были бы быть братьями, и смутная мечта о далекомъ, далекомъ времени, когда это всетаки будетъ...

Дорога проходила по той части Македоніи, которая отошла къ Сербіи послѣ сербо-болгарской войны. Все выше вздымались пустынные, каменистыя, угрюмыя горы безъ признаковъ растительности и какой-либо обработки. Какая печальная страна! И такіе изъ-за нея раздоры между двумя родственными народами... Усталая отъ безсонной ночи, я задремала, глядя на эти горы, и наконецъ, заснула крѣпкимъ сномъ. Вдругъ меня будятъ:

— Простите... Но вы пожалѣли бы, если бы пропустили это... послушайте...

Пѣніе несется въ открытое окно. Поѣздъ стоитъ у станціи. На платформѣ—большая группа солдатъ постъ народныхъ сербскія цѣсни.

— Это они насъ встрѣчаютъ пѣснями. Они уже пѣли русскій гимнъ, потомъ сербскій...

Я вслушиваюсь въ широко разливающійся, мужественный народный мотивъ, смотрю на этихъ солдатъ, въ сѣрыхъ суконныхъ шапочкахъ пирожкомъ, которые не сегодня-завтра пойдутъ въ бой,—и кажется мнѣ, что я попала въ какую-то другую, не нашу давнишнюю эпоху: какія у нихъ лица! какая въ нихъ цѣльность, крѣпость, примитивная сила! Худощавые они, блѣдные, несмотря на загаръ, нѣкоторые даже съ землистымъ оттѣнкомъ, но красивые; чувствуется смѣлость и настойчивость въ нихъ—можетъ быть, даже до упрямства, и страстность, и такая простота души. Строго и сосредоточенно глядятъ глаза у поющихъ, и беззаветной рѣшимостью, въ которой боевой порывъ сливается съ смиреніемъ предъ Судьбою, дышитъ вольный и скорбный, широко разливающійся народный мотивъ. Не знаю почему,—можетъ быть по сходству какихъ-нибудь музыкальных переходовъ или звучій—я вспоминаю, глядя на нихъ, одну удивительную надгробную православную пѣснь, съ словами псалма: „человѣкъ изъ земли и въ землю возвратится“...

Поѣздъ тронулся и пошелъ полнымъ ходомъ—вслѣдъ ему еще звучала пѣсня. Я уже не отходила отъ окна. Природа становилась красивѣе, величественнѣе. Попадались старые лѣса на горахъ, кукурузныя поля, виноградники, маленькіе домики съ цвѣтами въ окнахъ и передъ дверью. На станціяхъ толпился народъ и солдаты—можетъ быть, изъ какихъ-нибудь запасныхъ дружинъ—въ бѣдномъ крестьянскомъ платьѣ, только съ военными шапками того же образца—пирожкомъ, съ продольной впадиной наверху. Вечеромъ мы долго стояли на одной станціи, гдѣ намъ радушно и услужливо подавали заранѣе заказанный для насъ простой, но очень хорошо приготовленный ужинъ. Ночью въ поѣздѣ не зажигали огня: извинились тѣмъ, что заводъ ацетилена, которымъ обычно освѣщались вагоны, разрушенъ австрійскими снарядами въ Бѣлградѣ. А можетъ быть, это была просто предосторожность военнаго времени: мы слышали, что болгары—македонскіе четники—не разъ пытались взорвать эту желѣзную дорогу и что такія попытки частично даже удавались. Можетъ быть, поэтому ночью поѣздъ велъ самъ инспекторъ желѣзныхъ дорогъ, велъ осторожно, медленно, порою задерживая его ходъ почти до полной остановки,—какъ иногда осторожный кучеръ задерживаетъ лошадей, спускаясь ночью по опасному склону.

Утромъ мы пріѣхали въ Нишъ, и такъ какъ до отхода поѣзда на Софію намъ предстояло просидѣть нѣсколько часовъ, то

Умывшись прямо на дворѣ свѣжею водою, которую таскали изъ колодца солдаты, мы пошли осматривать городъ. Замѣчательно простодушный городъ, если принять во вниманіе его значительность для Сербіи. Улицы, домики, лавки—какъ у насъ въ какомъ-нибудь уѣздномъ городкѣ. Скверъ—площадка въ нѣсколько квадратныхъ сажень, усаженная полевыми мальвами. Лучшій отель—по-сербски „хотел“, подъ названіемъ „Русскій Царь“—одноэтажное зданіе въ пять-шесть оконъ, съ надтреснутыми стеклами. На улицахъ густая пыль. Но въ окнахъ и возлѣ домовъ—цвѣты, крылечки завиты зеленью. Населеніе—оживленное, возбужденное, и все чрезвычайно внимательны къ русскимъ: глядятъ во все глаза, серьезно и ласково, сейчасъ же вызываются дать подробныя указанія, проводить. Но и здѣсь, какъ и на всемъ пути черезъ Сербію, я чувствую ту же подобранность и сосредоточенность воли, напряженной въ борьбѣ, ту же измученность и убитость не сдаться. На одномъ перекресткѣ насъ остановилъ робный барабанный бой. Кругомъ барабанщика быстро собралась и росла тихая, молчаливая толпа; сопровождающій его чинъ такъ громко читаетъ по написанной ремингтономъ бумажкѣ полднія извѣстія съ театра войны: это были дни крупныхъ сербскихъ побѣдъ. Въ толпѣ пронесся облегченный вздохъ, глаза аблестѣли, раздались громкіе, почти судорожные, привѣтственные крики. Но лица остались серьезными, безъ улыбки. Я долго смотрѣла, какъ стояла толпа, не расходясь и не разговаривая, ловно молча сообщая вдумываясь въ смыслъ всего происходящаго. На глазахъ одного старика я замѣтила слезы, другой пошелъ къ нему, и они пошли вмѣстѣ. А барабанная дробь раздалась уже издали, на другомъ перекресткѣ... Возвращаясь къ вокзалу, мы замѣтили въ сторонѣ лагеря, подлѣ которыхъ происходило обученіе солдатъ, а затѣмъ обратили вниманіе на огромное кирпичное зданіе, которое я приняла сначала, по отличію его архитектуры отъ всехъ другихъ городскихъ зданій, за дворецъ. Намъ объяснили, что это—госпиталь, и, проходя мимо него, мы видѣли въ окнахъ раненыхъ съ перевязками на головѣ и на рукахъ. И сколько еще раненыхъ встрѣчали мы потомъ на вокзалѣ: ихъ привезли въ простыхъ товарныхъ вагонахъ, нѣкоторые выходили сами, другихъ несли солдаты—не на носилкахъ, а просто на рукахъ, какъ несутъ обыкновенно маленькихъ. Нельзя было безъ боли смотрѣть на это. Недостатокъ въ самыхъ необходимыхъ средствахъ помощи раненымъ бросался въ глаза. Присутствовавшей на вокзалѣ докторъ, окончившій нашу военно-медицинскую академію, подтвердилъ это въ самыхъ горестныхъ словахъ. Намъ

удалось кое-что тутъ же собрать на нужды сербскаго Краснаго Креста, но отъ этого сбора осталось чувство неловкости и грусти: у однихъ, дѣйствительно, ничего почти не оставалось для дороги, другіе отговаривались какими-то странными соображеніями. Въ компаніи ѣхавшаго съ нами въ первомъ классѣ губернатора одной изъ южныхъ губерній отозвались неудобствомъ дѣлать такіе сборы безъ разрѣшенія русскаго начальства... Наконецъ, подали поѣздъ: вагоны перваго и втораго класса для насъ, простые товарные— для сербскихъ раненыхъ. Опять побрели туда искалѣченные люди, поддерживая другъ друга, опять понесли на рукахъ, какъ маленькихъ, тѣхъ, которые не могли сами идти. Поѣздъ двинулся. Мы стояли у оконъ и кланялись, кланялись остающимся съ такимъ страннымъ, взволнованнымъ чувствомъ, какъ будто мы нашли здѣсь какихъ-то несходныхъ съ нами, но трогательныхъ родныхъ, которыхъ намъ никогда болѣе не суждено увидѣть. И они такъ же кланялись намъ, долго провожая насъ глазами...

Путь шелъ въ ущельѣ между Балканскихъ горъ, величественныхъ, суровыхъ и прекрасныхъ. Какъ должны ихъ любить сербы! Потомъ пейзажъ смягчился. Начались частыя и долгія остановки на станціяхъ, гдѣ постепенно сходили ѣхавшіе съ нами раненые. Большія молчаливыя толпы народа, множество бѣдно одѣтыхъ, оборванныхъ женщинъ, дѣтей и стариковъ, повсюду ожидали поѣзда. Нѣкоторымъ удавалось дождаться своихъ; другіе ждали напрасно и все еще продолжали стоять и ждать, когда уже не было больше надежды увидѣть тѣхъ, кого они ждали. Сумерки сгущались, огни зажигались на станціяхъ,—мы подъѣзжали уже къ границѣ Болгаріи,—но до послѣдней остановки все видѣли мы на платформахъ эти толпы крестьянъ, ожидающія своихъ близкихъ или, можетъ быть, хоть вѣстей о нихъ черезъ другихъ, эти строгіе глаза и лица безъ улыбки.

Мнѣ вспомнилось то, что я слышала о сербахъ со словъ одного лица, жившаго въ Сербіи и Болгаріи въ мирное время: „разница между этими народами та, что когда болгары соберутся гдѣ-нибудь въ кафѣ, они много и горячо разговариваютъ и спорятъ о политикѣ, а сербы только поютъ и пляшутъ“. Да, въ иное, мирное время сербы, съ ихъ цѣльностью, съ ихъ непосредственностью, съ ихъ инстинктомъ красоты, который даетъ себя чувствовать въ любви къ цвѣтамъ, должны любить не только пѣніе, но и пляску. Но мнѣ пришлось видѣть Сербію иною,—и никогда не поблекнуть во мнѣ вынесенныя оттуда впечатлѣнія.

Въ Болгаріи, уже на пограничной станціи, сразу охватила совсѣмъ иная атмосфера: словно мы вернулись въ Европу, въ

прежнюю, еще не тронутую войной Европу, въ какой-нибудь мѣщански-комфортабельный уголокъ ея, гдѣ все хорошо устроено и все можно достать, но гдѣ чувствуешь себя никому ненужнымъ, пріятнымъ лишь въ качествѣ покупателя. И внѣшній типъ болгаръ иной, даже не совсѣмъ славянскій, что соотвѣтствуетъ и ихъ расовому происхожденію. Темноволосые, коренастые, подвижные, они производятъ впечатлѣніе народа энергичнаго, предприимчиваго и дѣловитаго, не склоннаго къ идейнымъ увлеченіямъ и не богатаго фантазіей. Въ ихъ отношеніи къ русскимъ чувствовалась какая-то сдержанность, суховатость, хотя видѣли мы и милыхъ, обязательныхъ болгаръ какъ на станціяхъ, такъ и въ Софіи, куда мы пріѣхали поздно ночью. Ильинъ, успѣвшій въ Софіи переговорить со многими простолюдинами, передавалъ мнѣ, что, по ихъ словамъ, народъ рѣзко расходится, въ своемъ отношеніи къ Россіи и къ дальнѣйшей роли Болгаріи въ европейской войнѣ, съ царемъ Фердинандомъ и правительствомъ; говорилъ, что бесѣда его на эти темы въ кругу какихъ-то мелкихъ торговцевъ окончилась даже съ ихъ стороны выраженіемъ пылкихъ чувствъ къ Россіи. Большія цвѣтныя афиши, расклеенныя на столбахъ и печатающія крупнымъ шрифтомъ извлеченія изъ газетъ, указывали на то, что руссофильское теченіе не замерло и въ печати. Одна изъ такихъ афишъ говорила въ краткихъ словахъ о своеобразной анкетѣ, произведенной по вопросу объ отношеніи къ Германіи и Россіи въ казармахъ, и о томъ, что въ пользу Германіи высказался только одинъ процентъ военныхъ. Но какая-то тяжесть давила меня все время въ Софіи. Не нравился мнѣ этотъ плоскій благоустроенный городъ, съ множествомъ банковъ и прозаической архитектурой домовъ; не нравился казенный громоздкій памятникъ Александру II; не нравился массивный, недавно отстроенный соборъ, свѣтлый, раззолоченный, цвѣтистый внутри, съ пышнымъ трономъ для царя, съ свирѣло и надменно оцетинившимися мраморными львами, поддерживающими балдахинъ этого трона. А невозможность разобраться по болгарскимъ газетамъ въ томъ, что дѣлается въ Европѣ, и какія-то нелѣпыя свѣдѣнія въ нихъ о происшедшей въ Петербургѣ революціи,—все это дѣлало невыносимымъ каждый лишній часъ замедленія въ пути. День, проведенный въ Софіи, казался необычайно длиннымъ, и когда я узнала, что, кромѣ того утренняго поѣзда, на который достаютъ билеты большинство монаховъ спутниковъ, есть и вечерній, я рванулась, простилась съ нашей милой компаніей второго класса, даже съ Ильинными, и черезъ часъ ѣхала уже на Бухарестъ.

Близокъ конецъ моего путешествія, уже недалеко Россія: всего сутки съ небольшимъ до границы. Но нетерпѣніе растеть; все пережитое, перечувствованное за время пути сливается въ какой-то огненный кругъ. Я еще улавливаю то, что рассказываетъ мнѣ о настроеніяхъ Румыніи одна изъ нашихъ спутницъ съ словъ возвращающихся на родину одновременно съ нами интеллигентныхъ, сердечныхъ и галантныхъ студентовъ-румынъ: все, что относится къ войнѣ, что можетъ увеличить или уменьшить шансы союзниковъ, легко входитъ въ мое сознаніе. Но у меня уже нѣтъ силъ по-настоящему осмотрѣть оживленный, шикарный Бухарестъ, мнѣ трудно надолго отлучиться съ вокзала, гдѣ все равно приходится сидѣть въ ожиданіи поѣзда. Еще одинъ значительный переѣздъ. Яссы. Всего часъ до границы. Я жадно смотрю въ окно, потому что эта мѣстность, эти селенія уже должны имѣть много общаго съ нашей Бессарабіей. И вотъ, наконецъ, пограничная широкая рѣка съ мутной желтоватой водою,—поѣздъ тихо идетъ по желѣзному мосту. Вотъ этотъ песчаный берегъ—это уже русская земля...

О, Господи, дай силъ духовныхъ Россіи, чтобы она была не только безстрашной, но и благородной въ этой великой борьбѣ. Дай силъ духовныхъ всѣмъ борющимся народамъ, чтобы преодолѣть все темное, звѣрное въ себѣ и въ мукахъ найти свое возрожденіе!

Любовь Гуревичъ.